

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати. [Электронный ресурс]. Доступно на: URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (режим доступа – свободный).
2. *Голуб И.Б.* Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. М.: Эксмо, 2008. 464 с.
3. *Скобелкин Е.И.* Летописцы истории – газеты. Вперед. 1999. 2 дек. С. 4-5.
4. *Мельник Г.С.* Основы творческой деятельности. СПб.: Изд-во Питер, 2004. 271 с.

МЕДИАКРИТИКА В ЖУРНАЛЕ-ГАЗЕТЕ «ГРАЖДАНИН»

Г.И. Щербакова,

Тольяттинский государственный университет, профессор

E-mail: sherbakova-galin@yandex.ru

Аннотация: в статье исследуется важный эпизод идейно-политической борьбы в журналистике 1870-х гг., который выявил тенденцию к концентрации групп читателей вокруг определенных периодических изданий, что предвещало появление политических партий. Журнальная критика, как предвестница медиакритики, затрагивала, помимо того, широкий круг проблем, волновавших русское пореформенное общество: от моральных до экономических. Предметом анализа данной статьи стали выступления по поводу русской прессы публицистов издания консервативного направления журнала-газеты «Гражданин», возглавляемого В.П. Мещерским. Систематизированы причины дискуссии, ее формы, что объясняет расстановку сил в общественном мнении.

Ключевые слова: постреформенное общество, идейная борьба, пресса как отражение социальной дифференциации, медиакритика как форма идейной борьбы.

Summary: the article examines the important episode of the ideological-political struggle in journalism 1870s, which revealed a trend towards the concentration of groups of readers around certain media that foreshadowed the emergence of political parties. The first step of criticism was the harbinger of media criticism, touched, in addition, a wide range of problems, troubled Russian post-reform society from moral to economic. The subject of analysis of this article were speeches about the Russian press publicists edition of the conservative journal-newspaper "The Citizen", headed by V.P. Meshchersky. Systematic reasons discussion of its form, which explains the balance of power in public opinion.

Keywords: post-reform society, the ideological struggle, the press as a reflection of social differentiation, media criticism as a form of ideological struggle.

Термин «медиа-критика» относительно недавно стал употребляться в журналистиковедении. Его принято связывать с современностью, рассматривая как элемент системы масс-медиа. Зачинателем подобного взгляда в отечественной науке стал А.П. Короченский, им же обозначены основные черты данного вида самосознания журналистики. В диссертации «Медиакритика в теории и практике журналистики» А. Короченский отмечал, что социально-ориентирующая и регулирующая роль критики проявляется в том, что она «способствует продуктивной селекции накопленных знаний и исторического опыта, их выборочной ретрансляции. Критика охватывает процессы социальной коммуникации, обеспечивающие распространение культуры в обществе, поскольку они также нуждаются в критической проверке на эффективность, адекватность общественным потребностям» [1]. Медиакритике в нынешнем ее виде предшествовала в XIX и начале XX вв. журнальная критика, которая выработала свои принципы ведения дискуссии, выдвинула своих героев и антигероев, обозначила главные темы обсуждения, содействовавшие процессам социальной коммуникации и росту гражданской зрелости российской общественности. Данная традиция была прервана Октябрьской революцией и последовавшим за ней авторитарным режимом, лишившим общество и деятелей культуры продуктивного диалога, выхолостившим эвристическую природу критики, подменившим ее администрированием в сфере духовного и интеллектуального творчества. Новая критика возродилась в постперестроечный период, обращаясь сразу к двум источникам – практике современных западных масс-медиа, наработавших большой арсенал приемов и методов, адекватных новым медиа, и традициям русской литературной журнальной критики, память о которой, хотя и в редуцированном объеме, сохранялась, благодаря тому авторитету, который обрела русская культура XIX в.

Обзоры периодической печати уже с первой четверти XIX в. были обязательным элементом серьезного издания. Начавшись с журнальных обзоров «Московского телеграфа» и «Телескопа», они получили развитие в блистательных «Журнальных заметках» Белинского в «Отечественных записках», затем продолжились в Некрасовском «Современнике», где нередко становились школой для начинающих публицистов, например, Чернышевского, Добролюбова. Редакции использовали этот отдел, чтобы дать решительный бой своим противникам или предоставить перо маститым литераторам, объявлявшим начало новых интеллектуальных исканий. Данную традицию продолжили обновленные Некрасовым «Отечественные записки», где журнальную критику в начале 1870-х гг. вел Салтыков-Щедрин, приправляя ее немалой дозой сатиры, а порой даже включая в свои сатирико-публицистические произведения (например, «Пестрые письма», «Письма провинциала из Петербурга» и другие)

Газета-журнал «Гражданин» начала свою жизнь в период, когда русское общество 1870-х гг. пребывало в эйфории от идеалов либерализма. Заявляя себя как издание принципиально противоположной ориентации, «Гражданин» был изначально ориентирован на полемику, на отпор. Это проявлялось в редакционных выступлениях издателя Мещерского, в передовых статьях Достоевского – редактора и публициста, в подборке политических новостей о внутренней и внешней жизни России, но особенно это проявлялось в обзорах прессы, кото-

рые «Гражданин» предлагал своим читателям: и союзникам, и оппонентам. В программу журнала-газеты «Гражданин» входил литературно-критический отдел как обязательный, помимо собственно литературной критики, здесь регулярно печатались обзоры современной прессы.

«Гражданин» начал выходить с 1872 г., его владельцем и учредителем был князь В.П. Мещерский, который, однако, не мог исполнять обязанности редактора журнала, т.к. находился на государственной службе, поэтому на первый год издания он пригласил редактором либерального по взглядам литератора и юриста А. Градовского. Этот союз был обречен изначально – настолько не сходились взгляды двух ведущих фигур издания. На второй год издания редактором стал Ф.М. Достоевский, по сути дела именно под его руководством журнал-газета «Гражданин» обрела свое лицо, в том числе открывающую номер рубрику «дневник», в которой задавалась ведущая тема и настрой выпуска. Дневник оказался настолько удобен как публицистический жанр, что позднее Достоевский превратил его в самостоятельное издание – «Дневник писателя». Отношения Достоевского и Мещерского не являются в данный момент основным предметом нашего внимания: о них писали ученые-литературоведы [2], хотя и немного, но нас в большей степени будет интересовать третий год жизни «Гражданина», когда весной 1874 г. Ф.М. Достоевский попросил освободить его от обязанностей редактора в связи с болезнью. Мещерскому не удалось найти равную по таланту и значению фигуру, поэтому редактором сначала временно, а осенью уже на постоянной основе был назначен В.Ф. Пуцкович, бывший ранее секретарем издания. Сообщая в 16 номере газеты о том, что Достоевский из-за болезни отходит от редактирования газеты-журнала, редакция заверяла, что писатель «не отрешается от участия в нем», а также, что направление журнала ни в чем не изменится» [3]. Мещерский получил, с одной стороны, удобную кандидатуру, имевшую опыт работы именно в «Гражданине», прошедшую курс обучения при двух прежних редакторах, в то же время независимую от издателя и владельца, не обладающую ярким и самостоятельным талантом, что не предполагало редакционных конфликтов. Но, с другой стороны, Мещерскому теперь пришлось, во-первых, взять на себя большую долю публицистической работы по газете, во-вторых, обеспечить преемственность с изданием, первым лицом которого ранее был гений, то есть обеспечить уровень издания в 1874 г. не ниже 1873-го, но уже без Достоевского.

Мещерского все более затягивала журналистская работа, и одним из ее видов стала медиакритика, которая сосредоточилась в его руках. «Гражданин» изначально вызвал бурю в журналистском сообществе. Первой причиной стало консервативное направление, заявленное как кредо издания. Второй причиной стала личность Мещерского, который хотя и нерегулярно до сей поры, но проявлял себя в журналистике отдельными выступлениями в изданиях не демократической ориентации, а за пять лет до «Гражданина» выпустил анонимно драматическое сочинение, по сути своей представлявшее резкую до неприличия критику на видных демократических литераторов. Под завуалированными обликами героев драматических сцен угадывалось карикатурное изображение Краевского и Некрасова, а название обличаемого произведения «Русские лето-

писи» имеет близкую смысловую параллель с обновленным журналом русской радикальной демократии «Отечественные записки». Обращает внимание время написания этого сатирического произведения – 1869 г., то есть практически сразу после знаменитого договора между Краевским и Некрасовым, в соответствии с которым последний получал полную власть над содержанием журнала. Памфлет Мещерского, в некоторых местах скатывающийся до пасквиля, назывался «Десять лет из жизни редактора журнала» и имел подзаголовок «Рассказ в диалогах: в 4-х эпохах и 5-и частях». Таким образом, можно сделать вывод, что начало сатирического повествования Мещерского приходится на предреформенный период – время всеобщего демократического подъема. Драматический рассказ начинается с описания волнений общества в момент знаменитых пожаров в Петербурге и заканчивается повествованием временем, близким к концу эпохи 1860-х гг. В центре сатирического обличения находятся методы современной журналистики, прежде всего, демократической или обличительной, которые, по мнению автора, не имеют ничего общего с правдой и беспристрастностью как качествами настоящей журналистики. Автор в преамбуле к пьесе предлагает читателю поразмышлять, «какие же нравственные начала приняты в основание деятельности нашего *гражданина-журналиста*». Последнее акцентированное высказывание свидетельствует о намеренной полемической отсылке к стихотворению Некрасова «Поэт и гражданин». Этот эпизод бросает свет и на природу названия, которое через два года, в 1871 г. Мещерский выберет для своего издания – «Гражданин».

В преамбуле к драматическому рассказу автор перечисляет неприемлемые для него методы современной журналистики: «закидывание грязью под предлогом обличения, оскорбления без разбора всех и всякого, кого оскорблять не опасно, например, нравственность, веру и т.п., воздавая свое только самому себе».

Свою цель он формулирует следующим образом: «В простом и незамысловатом рассказе показать, как некоторые из господ редакторов и журналистов на Руси умеют морочить читающую публику, и, чествуя себя царями русской мысли и даже руководителями общественного мнения, на грамотной Руси вторгаются в область невежества не как свет во мраке, но как тати, осторожно и искусно, чтобы пользуясь мраком и своей ловкостью тысячу умов сперва обольщать и воспалять, а потом делать жертвами и учениками своего мнимого просвещения, близкого к недобросовестности [4].

Таким образом, Мещерский впервые вступил на поле медиакритики, применив сомнительный жанр памфлета, переходящего временами в пасквиль, потому что затрагивалась не просто журналистская деятельность оппонентов, но также их частная, даже интимная жизнь. Во-вторых, он не заявил принципов, которыми руководствовался в своей критике, и в результате из его первого опыта получился акт некрасивой и неблагородной перебранки, в которой автор предстал в образе злонамеренного задиры.

Спустя время Мещерский раскаялся в данной публикации, не изменив, однако, отношения к ее героям. Он признавал, что неверно выбрал время выступления и его форму. Но его репутация «литературного бретера» в журнальных

кругах уже сложилась. Выход «Гражданина» и роль в нем Мещерского почти сразу настроили пореформенную печать против нового издания и его владельца, о чем писал Мещерский в сборнике своих публицистических статей «Речи консерватора» через пять лет после начала издания «Гражданина»: «Все оскорбления и ругательства, все обвинения в преступлениях (и каких еще!), которых в течение 4-х лет удостоила меня либеральная печать за то только, что я писал статьи в “Гражданине”, дали именно мне право считать себя обязанным объяснить обществу кое-что из своего образа мыслей, так как в течение 4-х лет я был для общества тем разбойником пера и мошенником печати, которым газеты чересчур много занимали общество» [5]. Зрелище современного нравственного падения привело Мещерского к мысли: «если любишь Россию и умеешь перо держать в руках, надо кричать, кричать и кричать во имя консервативных идей, ибо либеральная и ложно-либеральная печать овладела обществом, как кабак народом. Тогда родилась мысль об издании “Гражданина”, который оказался не вполне бесцельным: он до известной степени объединил разномысленных консерваторов и известным дерзким мыслям дал право гражданства. ... Либералы говорили почти двадцать лет и царили почти самовластно. Теперь, когда вред стал очевиден, консерваторы имеют право просить слово и себе. Не все образованные люди в России попали под влияние лже-либералов, но они одиноки. Писать для них, чтобы постепенно из них создавать консервативное русское общество – вот цель» [6]. Этот настрой обусловил острополюсическую направленность изданий, что сказалось на всем его содержании, в первую очередь, в программных заявлениях, благодаря которым он обозначал свое место и роль в информационном пространстве 1870-х гг., но также и в разборе деятельности других изданий, посредством чего он не только давал оценку современному газетно-журнальному процессу, но и еще раз заявлял о своих идейных и политических принципах

Обратимся к анализу выступлений «Гражданина» в 1874 г., который особо интересен тем, каким образом произошел переход от первой трети года, когда редактором был Достоевский, к остальному периоду, когда редактором стал В.Ф. Пуцыкович, притом значительную часть обязанностей ведущего публициста, в том числе написание «дневника», статей от редакции, критических и полемических статей в адрес изданий-противников взял на себя Мещерский.

В ходе нашего анализа из всего перечня изданий, которые упоминал «Гражданин», мы выбрали только те, которые стали предметом либо развернутого анализа на страницах издания Мещерского, либо стали поводом к отповеди, критическому замечанию или полемической реплике.

Перечень газет, к которым обращался «Гражданин», велик: наряду со столичными газетами и журналами, здесь встречаются и областные издания:

- «Голос» (№ 24, 34, 36, 39);
- «Гражданин» (№ 36, 42, 51);
- «Донские ведомости» (№ 23, 29);
- «Московские ведомости» (№ 31, 37);
- «Неделя» (№ 29, 36, 52);
- «Николаевский вестник» (№ 24);

«Петербургский листок» (№ 1);
«Русский мир» (№ 13-14, 40);
«Санкт-Петербургские ведомости» (№ 37);
«Современные известия» (№ 38);
«Церковно-общественный вестник» (№ 36).

Перечень журналов, деятельность которых была объектом критического рассмотрения «Гражданина», намного уже, зато каждый из них представлял самостоятельное и ярко-выраженное общественно-политическое течение:

«Вестник Европы» (№ 37, 40);
«Отечественные записки» (№ 19, 31, 37, 47, 50, 52);
«Русский вестник» (№ 42).

Итого за 1874 г. в 52 номерах «Гражданина» было опубликовано 29 произведений, которые можно рассматривать как раннюю стадию медиакритики. Примерно в каждом втором номере затрагивалась тема современной журналистики и давалась оценка ее явлениям.

Из газет на первом месте по частоте упоминаний стоит «Голос», из журналов – «Отечественные записки», таким образом, становится ясным, что в центре критики Мещерского находились либеральные и демократические издания, владельцем и издателем которых был А.А. Краевский.

Напряженная общественно-политическая жизнь пореформенного периода давала немало поводов обращения к материалам современной прессы. Проведем классификацию причин, по которым «Гражданин» обращался к статьям других изданий.

Одним из распространенных поводов была цитация для подтверждения или укрепления своей позиции: например, «Гражданин» пишет на больную для него и актуальную для общества тему народного просвещения, которая доминировала в журнале на протяжении всего 1874 г. Говоря о том, что сельские школы плохо обеспечены помещениями, отоплением, учебниками и, наконец, хорошими учителями, публицист «Гражданина» (№ 23) ссылается на публикацию в «Донских ведомостях», где описывается бедственное состояние народных сельских школ. Подобные примеры публицисты журнала-газеты готовы использовать даже из изданий противоположной направленности, например, «Голоса». Так, в 36 выпуске анализируется статья в «Голосе» о народном образовании, где описывается пример взаимодействия сословий по поддержке сельской школы. В селе Боброво Лебедянского уезда Харьковской губернии помещица построила хороший дом для школы, учителем там работает священник, в результате «крестьяне охотно отпускают детей в школу», не боясь за их нравственное и физическое здоровье. В этом же номере «Гражданина» дается отсылка на статью из другой газеты «Неделя», а описанный там случай халатного использования денег на школьные нужды интерпретируется как доказательство тезиса, постоянно подчеркиваемого консервативным изданием: нехватка денег тормозит на селе развитие школьного дела, а отсутствие настоящих талантливых и преданных делу педагогов. Причиной же последнего является неправильное целеполагание у значительной части студенческой молодежи, которая предпочитает революционные идеи и протестное движение реальному скром-

ному делу распространения образования. Еще дважды журнал-газета ссылался на провинциальную печать как иллюстрацию к проводимым им убеждениям: относительно членовредительства из-за нежелания идти в армию и насчет причин распространения пьянства в сельской России.

Еще одним поводом для использования материалов прессы для разговора о состоянии современной журналистики была полемика. Внимательно прочитывая современную прессу, и Мещерский как идеолог и владелец издания, и члены редакции отбирали суждения, позволявшие им развернуть дискуссию по актуальным вопросам и в ходе их еще раз заявить свою программу, либо защитить базовые принципы, либо взять под защиту литераторов или общественных деятелей, лояльных «Гражданину». В подобных случаях объектами полемики становились только столичные, петербургские, как правило, издания. В 1874 г. только однажды «Гражданин» вступился за своего сотрудника – публициста, бывшего славянофила, а ныне высокопоставленного чиновника Т.И. Филиппова. По мнению консервативного издания, «Голос», интерпретируя ранее высказанную в «Гражданине» позицию Т.И. Филиппова по поводу единоверия, сместил акценты и тем самым извратил мысль своего оппонента, на что «Гражданин» довольно-таки задиристо отвечает: «Поскольку мы его (Т.И. Ф.– Г.Ш.) изначально поддерживали, то принимаем замечания “Голоса” в свой адрес и готовы на них ответить», и продолжают статью язвительным комментированием корреспонденции «Голоса».

Однако гораздо чаще Мещерскому приходилось не защищать, а защищаться. Его издательская и литературно-журнальная деятельность постоянно находилась под прицельным огнем идейных противников, накал неприятия и неприязни лично к Мещерскому был очень высок. Большую роль в этом играло его происхождение. Среди демократической разночинской интеллигенции, составлявшей основу журнального цеха, он одиноко возвышался своим происхождением и титулом. Недаром во всех критических выступлениях его обязательно именовали князем, что сохранилось даже в советской литературоведческой традиции, где это выглядело совершенным реликтом, зато придавало дополнительный иронический окрас деятельности Мещерского как некоего анахронизма. Другой причиной было его повседневное вращение в придворной и великосветской среде. Мещерский не собирался вуалировать свое происхождение и образ жизни, не то, чтобы он этим кичился, но не собирался и скрывать свой образ жизни, намереваясь сочетать не сочетаемое. Его литературная и журналистская деятельность воспринималась в великосветской среде как нелепая эксцентричность, недаром «царственный демократ» Александр II пренебрежительно спросил: «В писаки собрался?» [7]. Но была своя сословная гордость и у плебеев-разночинцев, о чем его предупреждал нетитулованный Ф.И. Тютчев: «Вам не простят, что вы князь» [8]. Мещерский был психологически гибким человеком, у него отсутствовал сословный гонор, он довольно легко перемещался между разными социальными слоями, но для большинства современников в этом виделось нечто противоестественное. Дискомфорт пребывания князя в журналистике для остальной «пишущей братии» проявился в оценке романа Мещерского «Женщины большого света», который публиковался в

«Гражданине» на протяжении 1874 г. Следует отметить, что роман пользовался большой популярностью на момент издания. 7 октября 1874 г. в «Гражданине» (№ 40) появилось открытое письмо под названием «Фельетонисту газеты “Русский мир”», подписанное полным именем: «Кн. В. Мещерский», что данный автор делал редко, обычно предпочитая обозначать свое авторство инициалами: В.М., В.П.М. и прочими. Очевидно, что подпись в данном случае имела принципиальное значение.

Тексту предшествуют два эпиграфа, один – из Тургенева: «Я глубоко уважаю литературу, вполне убежден, что свобода печати, правильно осознанная, может быть сильным началом просвещения, но не смешиваю этих великих начал со спекуляциями полуграмотных пройдох». Мещерский дал резкую отповедь фельетонисту «Русского мира», который обиделся за большой свет, сатирически изображенный в романе, оскорбился тем, что некоторые герои, носящие громкие фамилии, представлены в дурном свете и предположил, что автор нарывался на скандал ради большей известности у публики. Стиль ответного открытого письма глубоко субъективный, экспрессивный, но при этом автор старается опираться не только на собственное суждение, например, он пишет: «В доказательство того, что мой стиль произвел впечатление обратного (то есть «Русскому миру») свойства, мне стоит только сослаться на множество отзывов о романе, как в большом свете, так и в среднем, и в провинции. Одними восхищаются, других порицают, но не ищут за вымышленными образами реальных людей. О достоинствах и недостатках судить не мне. Но мне позволительно судить о том, пишу ли я пасквиль, какие мои были побуждения при сочинении этого романа, и почему я дал героям имена или существующие, или близко к ним подходящие...» (№ 40). Мещерский решительно отводит обвинение в том, что его задачей была компрометация известных персон, он доказывает, что в XIX в. не должно быть закрытых тем для обсуждения и искоренения недостатков: «Большой свет, в котором я родился и до сих пор живу, до сих пор был *terra incognita* в нашей литературе. ... Искони веков роман нравов имеет назначением борьбу со злом в явлениях будничной жизни, и представь я героев большого света в виде ангелов, я бы отнял у романа интерес и характер правды...» (Там же). Далее Мещерский все-таки проявляет некоторое сословное превосходство, мимоходом отмечая разницу между низкородными прислужниками большого света и его реальными персонажами, которые «понимают, что большой свет не может стоять один вне общественного интереса в целом свете, как в Китае..., и что автор не вышел из гостинной только для того, чтобы ругаться над обществом, где остались его отец или брат». Таким образом, Мещерский защищает право литератора (в данном случае свое право) как автора особого жанра – газетного романа-фельетона – описывать те стороны жизни, которые скрывают в себе актуальные проблемы для целого общества.

Помимо частных вопросов текущей журнальной практики, «Гражданин» характеризовал программу некоторых изданий, их цели и деятельность. В качестве примера можно привести иронический анализ неуклюжей попытки «Церковно-общественного вестника» ввести в заблуждение потенциальных читателей и за этот счет расширить число подписчиков. Озаглавив текст в ирониче-

ском ключе «Новая штучка», Мещерский отмечает, что к осени и сезону подписки данное издание поменяло свою политику с критики священничества на его восхваление. Цель данного маневра – задобрить духовенство и уверить его, что газета эта – не орган петербургского либерального чиновничества, а потому фальшью дышат последние номера, за которыми стоит попытка моральной эксплуатации духовенства. Автор заявляет, что считает своей целью выводить на чистую воду всех недобросовестных журналистов-манипуляторов (№ 36).

Относительно журналов Мещерский применял другую практику: он или Н.Н. Страхов готовили обзоры по довольно длительному периоду: за 4 или 6 месяцев. Обращает внимание, что все обзоры появились в осенних номерах, когда традиционно разгоралась борьба за подписчика. Безусловной положительной оценки удостоился только «Русский вестник», выходящий в Москве под редакцией М.Н. Каткова. Там публицист «Гражданина» (№ 37) отмечает серьезное научное значение статей, приводя в качестве примера исследование о торговле между Россией и Монголией, проведенное как в историческом, так и в проблемном аспектах. Высоко оценивался и отдел художественной литературы, из анализа последнего автор сделал далеко идущий вывод о высоком творческом потенциале консервативной доктрины, обладающей более позитивным стимулом. Оценивая «Русский вестник» в качестве организатора литературно-журнального процесса, говоря об его умении привлечь ведущих писателей, независимых от господствующей либеральной моды, гордясь им как своим союзником, «Гражданин» восторженно пишет о настоящих литературных шедеврах, подаренных читателю: «А с нашей стороны – “Война и мир”, “Бесы” Достоевского, “Соборяне” и “Запечатленный ангел” Лескова! В “Русском вестнике” есть жизнь, веет силой и свежестью мысли, где чувствуется мир предков и предчувствуется мир потомков» (№ 37). Оценивая же литературные заслуги противоположного направления – «Вестника Европы» и «Отечественных записок», критик «Гражданина» старается подчеркнуть их однообразие, обусловленное верностью идейной и эстетической доктрине, которая проявляется в темах и сюжетах, в подходе к действительности, в отсутствии ярких положительных героев и впечатлений. Например, о журнале Некрасова говорится: «“Отечественные записки” заболели какою-то изнурительной лихорадкой, навевающей на читателя тяжелое ощущение скуки. Выходит книжка – берешься за статью, авось будет что-то новое и интересное, – скучно, берешься за другую – скучно. ... Может быть, эта скудость – признак того, что реализм оскудевает и ослабевает, а направление менее реальное начинает усиливаться?!» Насчет «Вестника Европы» критик иронизирует, что втиснутые в рамки догмы редактора М. Стасюлевича выдыхаются и Тургенев, и Гончаров с «Обрывом», «так что уж Данилевского приходится печатать!» (№ 37).

Нельзя сказать, что идейная предубежденность совсем затмевала глаза на достойные произведения в журналах противоположного направления, например, восторженный прием в «Гражданине» (№ 19) встретила статья о причинах голода в Самарской губернии, напечатанная в мартовском номере «Отечественных записок». Критик-консерватор отмечает, что в этой статье «каждая строчка есть мысль, каждая мысль опирается на факт. Статья не писана ни в

канцелярии, ни в кабинете журналиста, а на изнуренной почве Самарской губернии». Тема голода в Поволжье широко обсуждалась в «Гражданине», а Мещерский даже был казначеем особого комитета при Литературном фонде, где собирались средства в помощь голодающим, а также была предпринята беспрецедентная акция по выпуску сборника «Складчина», для которого многие литераторы безвозмездно отдали свои произведения, а шесть петербургских типографий бесплатно напечатали. Полученные от продажи сборника средства были использованы на оказание помощи голодающим, о чем регулярно сообщал в своей газете Мещерский [9], поэтому критики «Гражданина» внимательно отслеживали отзывы о сборнике в прессе и, в свою очередь, благожелательно оценивали все публикации, посвященные этой теме.

Переходный, 1874 г., консервативного издания оказался удачным, если судить по подписке, о чем с удовлетворением сообщил Мещерский в № 42. Он отнес эту заслугу к устойчивости и целенаправленности редакционной политики, реализуемой, в том числе, и посредством разборов современной прессы.

Анализ медиакритики в «Гражданине» показывает высокую степень антагонизма в русском обществе пореформенного периода. В суждениях о других современных изданиях царил дух непримиримости, что заметно хотя бы на примере отзывов об «Отечественных записках». Однако жесткость оценок была присуща не только «Гражданину», ему журнальные противники платили той же монетой, да в большем количестве, потому что имели численный перевес. Признавая неконструктивность полемики, которая не вела к взаимопониманию, к работе над собой, к поискам совместных решений, отнесем этот факт в вину не только журналистам, а всему обществу, которое было настроено в тот момент на конфронтацию, а не на объединение, о чем свидетельствует читательская поддержка всех изданий за их непримиримый характер. В другие исторические периоды практика журналистики свидетельствует, что обычно публика не любит «выяснение отношений» между изданиями и теряет к ним интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Короченский А.П.* Медиакритика в теории и практике журналистики: дис. ... д-ра фил. наук: СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т., 2004. 390 с.
2. *Викторович В.А.* Достоевский и В.П. Мещерский (к вопросу об отношениях писателя с охранительным лагерем) // *Русская литература.* 1988. № 1. С. 205-216; *Зограб И.* Редакторская деятельность Ф.М. Достоевского в журнале «Гражданин» и религиозно-нравственный контекст «Братьев Карамазовы» (к истории создания романа) // *Русская литература.* 1996. № 3. С. 55-77.
3. От редакции. // *Гражданин.* 1874. № 16. (В дальнейшем ссылки на журнал-газету «Гражданин» будут даны в тексте с указанием номера).
4. Десять лет из жизни редактора журнала: Рассказ в диалогах, в 4-х эпохах и 5-и частях. СПб, 1869. / Без указания автора. Автор определен по Письмам И.С. Аксакова к библиографу С.И. Пономареву. М., 1915. С. 21 и 23.
5. Речи консерватора. Соч. кн. Мещерского. В 2-х вып. СПб.: типография Оболенского, 1876. 172 с. // Нечто вроде исповеди. Вып.1. С. 4-5.
6. Там же. С.11.

7. Мещерский В.П. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. С.372.

8. Фундаментальная электронная библиотека // Тютчев. Письмо В.П. Мещерскому. [Электронный ресурс]. Доступно на: URL: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/critics/ln1/ln1-523-.htm> (режим доступа – свободный).

9. Подробнее см.: Щербакова Г.И. Благотворительность как способ преодоления идейно-политических разногласий (на примере выпуска литературного сборника в помощь голодающим Самарской губернии) // Толерантность: социально-гуманитарные аспекты: монография / Т.Н. Андреюшкина [и др.]; Под ред. Т.Н. Андреюшкиной. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013 (376 с.). С. 116-126.; Щербакова Г.И. Сборник «Складчина» как гражданская акция // Журналистика в поисках моделей развития: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 27-30.11.2011 г. Томск, 2011. С. 83-88.